

Время и вечность Калерии Ганиной

В библиографическом отделе Национальной научной медицинской библиотеки Украины с увлечением читаю один из томов 3-го издания «Большой медицинской энциклопедии». Мое внимание привлекает колонка, посвященная профессору Ивану Теодосовичу Шевченко – украинскому онкохирургу, в 1945-1971 гг. директору Киевского рентгенорадиологического и онкологического института (КРРОИ, ныне – Национальный институт рака), заслуженному деятелю науки УССР. Под жизнеописанием выдающегося медика стоит подпись К.П. Ганиной. Действительно, только Калерия Павловна могла быть и инициатором, и автором этой важной энциклопедической статьи, запечатлевшей искания и достижения Ивана Теодосовича. Ведь она знала его лучше, чем кто-либо другой, поскольку около тридцати лет два медицинских таланта работали вместе.

«Под городом Горьким...»: начало жизненного пути

...В уютном особняке на гористой улице Панфиловцев над Днепром, куда меня однажды пригласили, в свое время жили Иван Теодосович и Калерия Павловна. Мы неспешно беседовали в небольшой светлой комнате на втором этаже. Именно в этот день я впервые увидел Калерию Павловну. Она принесла нам чай, и я невольно заметил, как улыбка озарила ее лицо, когда Иван Теодосович нежно поблагодарил ее. О научном кредо этой женщины я тогда знал немного...

Я не раз видел Калерию Павловну в ее научном кругу – в Институте экспериментальной патологии, онкологии и радиобиологии им. Р.Е. Кавецкого НАН Украины. Она была постоянным участником научных конференций, проходивших в уютном зале на третьем этаже и собиравших ведущих специалистов двух расположенных рядом онкологических институтов, увенчанных мемориальными знаками в память Р.Е. Кавецкого и И.Т. Шевченко.

Что же предшествовало союзу – профессиональному и семейному – Карелии Павловны и Ивана Шевченко? Какие очертания имела линия судьбы выдающегося онкоморфолога, заслуженного деятеля науки и техники Украины, профессора Калерии Ганиной?

Перенесемся мысленно в то время, которое ознаменовало первые жизненные шаги будущего светила медицины. Ее жизнеописание напоминает знакомые многим представителям старшего поколения песенные строки «Под городом Горьким, где ясные зорьки, в рабочем поселке подруга живет». Именно в этом городе в 1926 г. в рабочей семье родилась девочка, которой, в противовес сложившейся в народе традиции называть дочерей Электринами и Октябринами, дали старинное возвышенное имя в духе горьковских «Моих университетов» – Калерия. Родные и близкие ребенка называли Калей.

К началу Великой Отечественной войны ей исполнилось пятнадцать лет. Семья эвакуировала в Московскую область, где Каля работала копировщицей на вагоноремонтном заводе. В 1944 г. девушка поступила

в Московский медицинский институт Минздрава РСФСР. Уже на третьем курсе, под влиянием Абрикосовской школы, определилось ее призвание. Современники отметили, что доклад студентки Ганиной «Морфологические изменения скелетной мускулатуры при туберкулезе» удостоился первой премии среди студенческих работ. Позже это исследование станет фрагментом ее кандидатской диссертации, защищенной в 1953 г.

В Киев, к научной мечте!

Таким образом, дальнейший путь практически определен. В 1949 г., после окончания института, Калерию Ганину рекомендуют на научную работу при кафедре патологической анатомии. В 1955 г. ее, молодого ассистента, приглашают в качестве младшего научного сотрудника отдела патологии и Института экспериментальной и клинической онкологии, организованного и возглавляемого известным онкологом Николаем Николаевичем Блохиным,

здесь, в стенах учреждения, зреют ростки будущего Института экспериментальной патологии, онкологии и радиологии (ИЭПОР). Дальнейший поворот судьбы был предначертан заранее: в 1960 г., в ближайшей плеяде Ростислава Кавецкого, Карелию Ганину переводят в новосозданный институт. Так начинается эра ее научных и практических исканий и открытий. И все же поступок Калерии Павловны, оставившей г. Москву ради неизвестной «синей птицы», вызывает восхищение и удивление даже сегодня.

Фундатор новых научных веяний в онкологии

Как же отобразить вертикаль жизни этой выдающейся женщины с необыкновенным чувством долга?

Достаточно полную характеристику ее жизненного подвига приводит издание «Калерия Павловна Ганина. Спогади колег, друзів, учнів» в серии, учрежденной ИЭПОР им. Р.Е. Кавецкого. «20 мая 2006 года исполнилось 80 лет со дня рождения Калерии Павловны Ганиной, лауреата премии имени А.А. Богомольца, основоположника научной школы в проблематике

цитологии злокачественного роста, – пишет в предисловии директор института, академик НАН Украины В.Ф. Чехун. – Она была фундатором нового научного направления в онкологии – цитологической реактивности организма человека. Результаты ее исследований дополнили сокровищницу знаний с позиций роли наследственного фактора в возникновении и течении опухолевого процесса, что явилось предпосылкой для организации кабинетов онкогенетического консультирования».

Но это уже закономерное резюме, а интрига, как известно, таится в превратностях сложного пути первопроходца. В случае с Калерией Ганиной весьма уместно выражение – от частного к глобальному. Ее докторская диссертация посвящена вопросам морфологии и патогенеза опухолей яичка, а монография, повествующая об этой же патологии (1964), стала настольной книгой в морфологической диагностике таких опухолей. В том же году К.П. Ганину утверждают в качестве руководителя лаборатории гистоцитохимии, а с 1971 г. она получает должность заведующей отделом цитогенетики ИЭПОР.

Но вспомним научные направления деятельности Ростислава Кавецкого. «С кем протекли его боренья? С самим собой, с самим собой», – сформулировал однажды сердцевину труднодостижимого успеха Борис Пастернак. Пожалуй, в этой строфе заключена характеристика школы Р.Е. Кавецкого, концептуальные черты которого – искать неизвестное в известном – Калерия Павловна полностью разделяла. Прежде

кстати, тоже жителем г. Горького. Казалось бы, хороший старт для блестящей столичной карьеры на медицинском поприще...

Но Калерию Павловну в это время заинтересовали научные поиски Ростислава Евгеньевича Кавецкого, его мечта исследователя – на основе новых знаний получить ключ к разгадке механизмов канцерогенеза. Она переезжает в г. Киев. В украинской столице с 1958 г. работает в КРРОИ, в составе лаборатории, созданной и руководимой ее кумиром в медицине Ростиславом Евгеньевичем. Собственно, именно

всего, они состояли в приоритетах клиники, в приближении своих, на первый взгляд, теоретических истин и знаний к проблеме и потребностям конкретного больного. Ведь ее экспертиза «стеклышка» — морфологического препарата — была часто решающей. Красноречив пример, которым делится в вышеназванной книге доктор медицинских наук В.М. Гордиенко: «Однажды я увидел у нее (Калерии Ганиной — Прим. ред.) в гостях пожилую женщину, которая, как оказалось, 30 лет назад была оперирована ее супругом, профессором Иваном Теодосовичем Шевченко, а Калерия Павловна поставила по гистологическим препаратам, увы, неутешительный диагноз. Но радикально проведенная Иваном Теодосовичем операция, причем по разработанной им весьма эффективной методике, оказалась успешной. Я часто встречал эту женщину, и, конечно же, основной темой нашего разговора всегда была Калерия Павловна».

Идеи, рожденные школой светил медицины

Судьбоносные вердикты всегда входили в моральные обязанности Карелии Ганиной, в образ ее жизни. Но она ощущала и высший призыв: сделать морфоло-

гические исследования не эпилогом, а прологом конкретной клинической ситуации, выработать опережающие ее гистохимические тесты. Несомненно, ее прозорливый ум питался и тем, что она принадлежала к аристократии медицинского мира в параметрах обобщений, в царстве новых фактов, — к сообществу патоморфологов. В этом направлении учителями К. Ганиной были выдающийся ученый Рудольф Вирхов с постулатом «Врач должен мыслить микроскопически» и утверждением, что «только клетка является носителем жизни, но одновременно и болезнью», и Александр Максимов, российский гистолог, работавший в США и выдвинувший чрезвычайно важное положение о том, что все живые структуры должны рассматриваться как генетические звенья в цепи общего развития и дифференциации, на основе которого возникло экспериментально-морфологическое направление в патологии. Кроме того, Калерия Павловна с уважением и интересом отнеслась к научным новшествам киевлянина Алексея Кронтовского, работавшего с 1924 г. в рентгенинституте, где он усовершенствовал метод изучения культур нормальных и опухолевых тканей вне организма, впервые применив метод микрохимического анализа при их изучении. Таким образом, в преддверии создания своей важной монографии «Цитогенетическая диагностика в онкоморфологии» Калерия Ганина имела солидное научное подспорье.

Но было бы иллюзией полагать, что ее прогрессивные идеи сразу же находили сторонников. Ведь настоящая наука — поле невидимых битв. «Исходя из глубокой научной компетенции профессора Ганиной, — пишет А.П. Гасюк, — я попросил ее быть официальным оппонентом моей докторской диссертации, которую защитил в 1982 г. в Институте имени Р.Е. Кавецкого АН УССР. Авторитетными учеными были и другие оппоненты — профессор И. Есипова (ведущий специалист по легочной патологии) и профессор Г. Автандилов — основоположник морфометрии в патологии. Однако ВАК СССР не утвердил защиту. Как заключили эксперты, «раковые клетки не обладают свойствами

дифференцировки, а морфометрия не является методом доказательства».

Нам не дано предугадать фатальный поворот судьбы...

В 2001 г., случайно поскользнувшись на ступеньке в любимом доме, Калерия Павловна упала. Травма — перелом шейки бедра — оказалась поистине фатальной. После замены тазобедренного сустава возникла большая кровопотеря с нарастанием сердечно-сосудистой недостаточности... В этом же году Карелия Павловна ушла из жизни...

В таких случаях всегда осознаешь, что сроки постижений отведены свыше. Словно торопясь, профессор К. Ганина закрепляет фундамент своего выдающегося учения, своего послания человечеству, возглавив проект Государственной научно-технической программы «Изучение генетической предрасположенности к онкологическим заболеваниям и гемобластомам».

Глубинный экскурс в прошлое пестреет яркими свидетельствами открытий Карелии Ганиной. Так, ранее полученные в лаборатории К. Ганиной данные словно прогнозировали иной поворот в онкодиагностике. Новые сведения позволили Р. Кавецкому высказать новаторское положение о цитологической реактивности организма — носителя опухоли, а в 1995 г. комплексные разработки в этом направлении суммируются под руководством К. Ганиной в коллективной монографии «Цитологическая реактивность онкологического больного».

Калерия Павловна проводит две конференции всесоюзного масштаба, посвященные вопросам онкогенетики: в 1974 г. в г. Тернополе и в 1983 г. — в г. Полтаве. Третья конференция, увы, лишь с духовным ее присутствием, прошла в 2003 г. в г. Киеве. И символично, пишет

Л.А. Налескина в статье «Патологическая анатомия и молекулярная биология» в журнале «Архив патологии» (2006), указывается, что на начальном этапе болезни традиционные морфологические методы исследования не дают возможности поставить правильный диагноз. Так радуга знаний о самой драматичной проблеме здоровья человечества вновь соединила гг. Киев и Москву.

Феномен личности без страха и упрека

Листая страницы жизни Калерии Павловны, словно читаешь поэму в прозе — она такая разная и вместе с тем одинаковая, освещенная какой-то рельефной выраженностью научного предназначения, верностью и открытостью дружбы, любовью к питомцам, преданностью больному. Каким человеком она была, российская представительница украинской науки?

«Я пришла в Институт со школьной скамьи, — пишет П. Шкатула, — и оказалась в удивительной атмосфере

академичности. Два человека в Институте обращались тогда ко мне, 19-летней, по имени-отчеству, что смущало меня невероятно. Это были Ростислав Евгеньевич Кавецкий и Калерия Павловна Ганина. И я поняла, что ни возраст, ни положение для них не имели ни малейшего значения, а лишь то, что мы работаем в одном институте и, стало быть, коллеги. И лишь по прошествии многих лет Калерия Павловна стала обращаться ко мне по имени и на «ты». Это не было данью прошедшим годам — у нее все нужно было заслужить».

О чертах феномена Калерии Павловны — в виде каких-то первозданных лепестков памяти — повествуют строки П. Полищука и С. Осинского, Л. Бучинской и Н. Бердинских, А. Воронцовой и Е. Коханевич, Л. Исаковой и И. Барыляка, А. Присяжнюка и Ю. Петунина, Г. Вакуленко и Н. Бородая, С. Жеро и О. Пересунько, И. Ивановой и Я. Колесника. Надо было быть поистине личностью без страха и упрека, обладать иммунитетом против славословия и чинопочитания, чтобы собрать избранный букет множества похвальных характеристик.

Исключительно важен ее земной полет, уникальность ее научных изысканий. «Настанет день, и ученому, победившему рак, поставят золотой памятник», — сказал однажды Ростислав Кавецкий. Пока эта вершина еще не покорена, слишком сложна вариативность патологии и слишком сложно инактивировать перерождающиеся клетки, не повреждая здоровых. И все-таки появляются умы, торящие верную тропу в жизненно важном направлении. В их первых рядах — Калерия Ганина. Наверное, и она могла

бы сказать о себе словами поэта — «На меня наставлен сумрак ночи тысячьо биноклей на оси». В густом сумраке онкологической ночи Калерия Павловна зажгла свой светильник. «Она ко всем нам хорошо относилась, — пишет Д.Ф. Глузман о ее генетическом фонде интеллекта и доброты (эти слова я заимствую у О. Пересунько. — Прим. авт.) и, как мне кажется, гордилась многими из нас, связывая наши скромные достижения с будущим той области знаний, которой она посвятила всю свою жизнь». Можно добавить, что это был дар не напрасный и не случайный. Это была жизнь с высокой целью.

Подготовил Юрий Виленский